

Лукин А.В., Денисов И.Е., Кашин В.Б., Цыплаков С.С.

Китай-2049: футурологический анализ

Великие силы Поднебесной, долго будучи разобщенными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадаются – так говорят в народе.

«Троецарствие», XIV век

天下大势，分久必合，合久必分。

《三国演义·第一回》

Само по себе выживание не гарантирует выживания, развитие – лучшая гарантия.

Лю Цысинь, «Три тела», XXI век

仅靠生存本身是不能保证生存的，发展是生存的最好保障。

刘慈欣 《三体》

Аннотация: В настоящем докладе, подготовленном на основе анализа основных тенденций развития Китая, делается попытка предсказать, каким потенциалом он будет обладать в 2049 году, когда исполнится 100 лет существования Китайской Народной Республики, какое место он будет занимать в мире и как это отразится на структуре мирового порядка. В первой части анализа рассматриваются основные тенденции развития современного Китая в трех областях – экономике, безопасности и внешней политике – до 2049 г. Во второй части формулируются четыре возможных сценария эволюции страны к 2049 г., оценивается их вероятность, а также содержатся рекомендации по оптимальному курсу России с учетом существующих перспектив.

Авторская группа: Руководитель: *Лукин Александр Владимирович*, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru;

Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник, Институт международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: i.denisov@inno.mgimo.ru;

Кашин Василий Борисович, кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Институт международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-9283-4528. E-mail: vkashin@hse.ru;

Цыплаков Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ. ORCID: 0009-0004-7135-0857. E-mail: tsyplakov@iccaras.ru

Ответственный редактор: Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Рецензенты: Дикарев Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, МГИМО МИД России;

Томберг Игорь Ремуальдович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

中国 2049：未来学分析

摘要：本报告在分析中国主要发展趋势的基础上尝试预测，到 2049 年中华人民共和国成立 100 周年时其将具有何种潜力，在世界上占据何种位置，以及这将如何影响世界秩序的结构。该分析的第一部分考察了到 2049 年之前当代中国在经济、安全和外交政策这三个领域发展的主要趋势。第二部分阐述了到 2049 年中国发展的四种可能情景，评估了它们的可能性，并根据现有发展趋势提出了对俄罗斯最佳政策路线的建议。

作者小组：亚历山大·弗拉基米罗维奇·卢金，历史学科学博士，教授，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术主任，俄罗斯国家研究型高等经济大学国际关系系主任，莫斯科国际关系学院国际问题研究所主任研究员（组长）ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

伊戈尔·叶夫根尼耶维奇·杰尼索夫，莫斯科国际关系学院国际问题研究所高级研究员 ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: i.denisov@inno.mgimo.ru

瓦西里·鲍里索维奇·卡申，政治学副博士，俄罗斯国家研究型高等经济大学欧洲与国际问题综合研究中心主任，莫斯科国际关系学院国际问题研究所主任研究员 ORCID: 0000-0001-9283-4528. E-mail: vkashin@hse.ru

谢尔盖·谢尔盖耶维奇·齐普拉科夫，经济学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所中国社会经济研究中心首席研究员，俄罗斯国家研究型高等经济大学国际关系系教授 ORCID: 0009-0004-7135-0857. E-mail: tsyplakov@iccaras.ru

责任编辑：基里尔·弗拉基米罗维奇·巴巴耶夫，语文学科学博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所所长。

评论员：安德烈·德米特里耶维奇·季卡列夫（吉安德），历史学副博士，莫斯科国际关系学院国际问题研究所首席研究员。

伊戈尔·列穆阿多维奇·通贝格，经济学科学博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所中国社会和经济研究中心主任研究员。

Alexander V. Lukin, Igor Ye. Denisov, Vasily B. Kashin, Sergey S. Tsyplakov

China 2049: a Futurological Analysis

Abstract: This report, based on an analysis of the main trends in China's development, attempts to predict the potential it will possess in 2049, marking 100 years since the founding of the People's Republic of China. It examines the role China will play in the world and how this will affect the structure of the global order. The first part of the analysis explores the main trends in contemporary China's development across three areas – economy, security, and foreign policy – up to 2049. The second part outlines four possible scenarios for the country's evolution by 2049, assesses their likelihood, and offers recommendations for Russia's optimal course of action considering these prospects.

Author team: *Alexander V. Lukin* (Head), Dr.Sc. (History), Professor, Academic Head, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS); Head of Department of International Relations of HSE University, Leading Research Fellow, Institute for International Studies of MGIMO University. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru;

Igor Ye. Denisov, Senior Research Fellow, Institute for International Studies of MGIMO University. ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: i.denisov@inno.mgimo.ru;

Vasily B. Kashin, Ph.D. (Politics), Head of the Center for Comprehensive European and International Studies at HSE University, Leading Research Fellow, Institute for International Studies of MGIMO University. ORCID: 0000-0001-9283-4528. E-mail: vkashin@hse.ru;

Sergey S. Tsyplakov, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow at the Center for Social and Economic Studies of China, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS); Professor in the Department of International Relations of HSE University. ORCID: 0009-0004-7135-0857. E-mail: tsyplakov@iccaras.ru

Executive Editor: *Kirill V. Babaev*, Dr.Sc. (Philology), Professor, Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

Reviewers: *Andrey D. Dikarev*, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, MGIMO University.

Igor R. Tomberg, Dr.Sc. (Economics), Chief Researcher, Center for Social and Economic Research of China, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

Введение

2024 год – год 75-летия Китайской Народной Республики, созданной в 1949 г. в результате победы китайских коммунистов в гражданской войне. За это время страна, руководимая КПК, испытала как несколько серьезнейших кризисов, так и длительный период бурного подъема. В последние годы темпы роста китайской экономики несколько снизились, и создается впечатление, что страна вошла в новый период своего развития. К чему он приведет и как закончится?

В 2049 г. КНР исполнится 100 лет. В масштабе китайской истории этот срок не представляется значительным. Наиболее известные китайские династии оставались у власти в среднем около 300 лет. Но с точки зрения судьбы коммунистических государств это довольно долго, ведь даже в СССР коммунистический режим не прожил и 70 лет.

Будущее Китая волнует многих. Для сторонников теории прогресса, олицетворяемой западной цивилизацией, успехи не вписывающегося в эту теорию Китая последних десятилетий – досадное недоразумение, историческая ошибка, которая должна быть исправлена. Для тех, кто верит в многовекторное развитие цивилизаций, пример Китая – наглядная и наиболее яркая иллюстрация их мнения.

А что будет происходить на практике? Какой будет КНР к своему столетию, по какому пути пойдет ее развитие и что это означает для остального человечества, для глобального миропорядка и для России? Год столетия КНР выбран как условный рубеж, одновременно и достаточно близкий, чтобы нынешние тенденции могли подсказать общие направления будущего движения, и достаточно далекий, чтобы по поводу этих направлений можно было рассуждать достаточно свободно и многовариантно.

В первой части анализа рассматриваются основные тенденции развития современного Китая в трех областях – экономике, безопасности и внешней политике – до 2049 г. Во второй части формулируется четыре возможных сценария эволюции страны к 2049 г., оценивается их вероятность, а также содержатся рекомендации по оптимальному курсу России с учетом существующих перспектив.

Экономика

Предстоящая четверть века по замыслу нынешнего китайского руководства должна стать завершающим периодом осуществления «модернизации китайского типа», по итогам которой Китай намерен стать «богатой, сильной, демократической, цивилизованной, гармоничной социалистической державой». На первом этапе до 2035 г. ставится задача «в общих чертах» осуществить модернизацию страны, что подразумевает превращение Китая не просто в крупное, но и в мощное государство.

Цели экономического развития

Применительно к экономической сфере китайским руководством на период до 2035 г. были поставлены следующие **основные цели**:

- достичь среднего уровня развитых стран по размеру подушевого ВВП, расширить численность среднего класса, сократить разрыв в доходах между городом и деревней;
- осуществить прорыв в области ключевых технологий, выйти в первые ряды инновационных стран мира, в общих чертах осуществить индустриализацию нового типа, информатизацию, урбанизацию, модернизацию сельского хозяйства, построить модернизированную экономическую систему;
- сформировать «зеленые» способы производства и образ жизни, стабилизировать и снизить объем углеродных выбросов, добиться коренного перелома в экологической обстановке.

Способность Китая достичь названных целей будет определять возможные сценарии развития страны на втором этапе модернизации, то есть в 2035–2049 гг. При этом как внутренние, так и внешние условия для развития Китая в последние годы серьезно усложнились, что признается в том числе и высшим китайским руководством.

Основной причиной сложностей, переживаемых китайской экономикой, остается незавершенность перехода от старых движущих сил развития (инвестиции, экспорт), которые во многом себя исчерпали, к новым (инновации, технологический апгрейд, рост внутреннего потребления). Еще одной причиной является растущая напряженность и конкуренция в отношениях с США, которая приняла затяжной характер. В период до 2049 г. экономическое развитие Китая будет сталкиваться с рядом масштабных и острых вызовов как внутреннего, так и внешнего плана.

Внутренние и внешние вызовы

В числе **главных внутренних вызовов** можно выделить следующие.

Слабость базы внутреннего потребления. По имеющимся оценкам, доля индивидуального потребления в ВВП Китая в последние годы колебалась в диапазоне от 40% до 45%, что значительно меньше аналогичных показателей таких развивающихся стран, как Индия и Бразилия (порядка 60%), не говоря уже о США (около 70%). Медленные темпы роста потребления обусловлены такими факторами, как низкая динамика роста доходов населения, неразвитость систем социальной защиты (здравоохранение, услуги по уходу за детьми и пожилыми, пенсионная система), сложности в обеспечении занятости, особенно среди молодежи.

Тенденция к быстрому старению и сокращению численности населения, в особенности числа лиц трудоспособного возраста. Старение, низкая рождаемость и сокращение населения имеют долгосрочный характер и сопряжены с многочисленными труднопредсказуемыми социальными и экономическими последствиями. Пути решения данной проблемы пока не просматриваются, а принимаемые меры, как то: повышение планки пенсионного возраста, развитие системы услуг по дошкольному воспитанию детей – имеют паллиативный характер. Китай будет сталкиваться с серьезными демографическими проблемами весь период до середины XXI в.

Ограниченность природных ресурсов: земли сельскохозяйственного назначения, водных ресурсов, запасов углеводородов (нефть, природный газ), некоторых видов металлов и т.д.

Проблемы природоохранного комплекса. В предшествующий период быстрого экстенсивного развития окружающей среде был нанесен столь большой ущерб (загрязнение воздуха, водных источников, угроза деградации крупнейших экосистем рек Янцзы и Хуанхэ, природных озер, загрязнение земли), что даже с учетом активной экологической политики и огромных вложений для исправления ситуации понадобится длительный срок.

Региональные диспропорции. Помимо сохраняющегося большого разрыва в уровнях развития между провинциями приморского пояса и регионами Центрального и Западного Китая, обозначилась также линия разлома между южной и северной частями страны. В экономическом плане южные провинции все более опережают северные. Дальнейшее обострение диспропорции потенциально может иметь не только далеко идущие экономические, но и политические последствия.

Отставание Китая в области фундаментальных исследований и все еще слабые способности к первичным инновациям.

В числе основных внешних вызовов можно выделить:

- тенденции к деглобализации и фрагментации мировой экономики, которые сопровождаются нарастанием протекционистских тенденций в международных торговой и инвестиционных сферах;
- угроза «декаплинга», ведущего к технологической изоляции Китая, а возвращение к власти Д. Трампа, начавшего в период своего первого срока торговую войну с Китаем, является дополнительным свидетельством того, что курс на сдерживание Китая Западом будет продолжаться и, вероятно, усиливаться.

Внутренние и внешние вызовы тесно переплетены, однако, как представляется, внутренние вызовы доминируют и будут продолжать доминировать над внешними. Следует отметить, что китайское руководство отдает себе в них отчет и строит свою долгосрочную экономическую стратегию на длительную перспективу с учетом имеющихся проблем. В связи с этим выглядят рациональными и оправданными выдвижение целей прорыва в области ключевых технологий, осуществления энергетического перехода, распространения «зеленого образа жизни» и т.д. Вместе с тем пока открытым остается вопрос о том, какими методами данные цели оно намерено достичь.

В период «новой эпохи», особенно после начала торговой войны с США и пандемии COVID-19, китайское руководство было явно склонно решать проблемы развития преимущественно путем усиления партийного контроля и централизации системы управления экономикой, делало основную ставку на государственный сектор, выступало за использование такого преимущества сложившейся в Китае системы, как «концентрация усилий на решающих участках». В то же время оно выступало против «беспорядочной экспансии» частного капитала, предлагало жестко регламентировать деятельность негосударственного сектора устанавливаемыми государством «светофорами», в определенной мере абсолютизировало понятие безопасности как важнейшей предпосылки развития, пропагандировало лозунг опоры на собственные силы, что фактически шло вразрез с провозглашенной в эпоху Дэн Сяопина политикой

открытости. Однако, как показала практика последних лет, эти методы далеко не всегда были эффективными.

Насколько велик запас прочности китайской экономики?

Несмотря на внутренние проблемы и усилившееся внешнее давление по сдерживанию Китая, китайская экономика по-прежнему сохраняет большой запас прочности и потенциал для дальнейшего устойчивого развития. Среди ее бесспорных преимуществ – обладание полным комплексом промышленных мощностей, высокий уровень цифровизации и интернетизации, наличие большого количества квалифицированных кадров инженерно-технических работников и рабочих, развитая система транспортной инфраструктуры и т.д. При условии значительного повышения внимания к социальным аспектам внутреннего развития, к политике повышения доходов населения, поощрения инициативы на местах, а также замедления форсированной милитаризации и отказа от дорогостоящих имиджевых проектов за рубежом китайская экономика может выйти на новый уровень и реально перейти на рельсы «высококачественного развития».

Вероятность реализации такого сценария на период до 2049 г. представляется наиболее высокой. В этом случае можно ожидать, что душевые показатели ВВП Китая к 2035 г. будут на уровне примерно 25 тыс. долл., а к 2049 г. они будут около 40 тыс. долл. На практике это означало бы, что Китай по размеру душевого ВВП несколько превзойдет нынешний уровень Южной Кореи (34 тыс. долл.), и его душевой ВВП составит примерно половину от нынешнего душевого ВВП США. Если же брать размеры ВВП, то имевшиеся ранее прогнозы о том, что Китай обгонит США по объему ВВП к 2030 г., похоже, не оправдываются. Предполагаем, что Китай сможет обогнать США по номинальному ВВП в 2034–2035 гг.

Китайская экономика распрощается со многими традиционными трудоемкими отраслями (текстильная промышленность, производство обуви, одежды, игрушек и т.д.), а также сократит масштабы ряда отраслей тяжелой промышленности (черная металлургия, производство цемента, стекла и др.). В то же время упор на развитие зеленых отраслей сохранится, но часть производственных цепочек будет перенесена за рубеж, хотя Китай сохранит за собой контроль над основными элементами этих цепочек.

Китайская стратегия будет выстраиваться вокруг стремления к технологическому суверенитету, что станет ключевым пунктом китайско-американской конкуренции. Пекин будет дальше активно инвестировать в развитие искусственного интеллекта, квантовых вычислений и биотехнологий, стремясь преодолеть зависимость от западных технологий. Не исключено, что в ближайшие десятилетия мир в результате «технологической холодной войны» будет разделен на альянсы, в основе которых будет лежать не военная мощь, а критически важные технологии. Китай будет стремиться расширять технологические партнерства с другими странами, которые станут более подвижными и сложно управляемыми, нежели традиционные военные союзы. Китай видит себя лидером одного из альянсов, однако это потребует значительных инвестиций и искусной дипломатии, преодолевающей политические и культурные противо-

речия. Вероятные барьеры носят не только внешний, но и внутренний характер. Открытым остается вопрос о том, насколько может сочетаться усиление государственного контроля над цифровыми и другими высокотехнологичными отраслями с быстрым развитием инноваций, которые по определению предполагают наличие высокой степени творческой инициативы и свободы.

Нельзя исключать возможность попадания Китая в японскую модель «потерянных десятилетий». Однако вероятность развития Китая по этому сценарию представляется низкой. При наличии некоторых общих проблем (кризис в секторе недвижимости, высокий уровень внутреннего долга) условия Китая и Японии сильно различаются. Попадание в застой для китайской экономики вряд ли может быть длительной нормой существования. Она просто не сможет удерживаться в границах этой нормы долгое время, в результате либо через относительно короткое время экономика свалится в глубокий кризис с тяжелыми социальными и непредсказуемыми политическими последствиями, либо вновь вернется на путь роста.

Теоретически можно допустить и наихудший сценарий – коллапса китайской экономики. Однако такое развитие событий может иметь место только в случаях экстремального внешнего шока типа войны или острейшего политического кризиса внутри страны, сопровождаемого общественным хаосом и распадом единой государственности. В период до 2049 г. такое представляется крайне маловероятным.

Оборона и безопасность

Сравнительно низкий уровень военных расходов относительно ВВП КНР (официально – менее 1,5 % ВВП, с учетом скрытых статей – в пределах 2 %) позволяют предположить, что Китай в ближайшие годы будет в состоянии продолжать опережающими темпами наращивать военные расходы даже на фоне замедления темпов роста национальной экономики.

Развитие китайских вооруженных сил будет характеризоваться следующими важнейшими тенденциями.

Становление КНР в качестве третьей ядерной сверхдержавы и перспективы ее вступления в борьбу за лидерство в ядерной сфере. Китай будет сравним с Россией и США по количеству стратегического ядерного оружия и может принять решение о восстановлении и развитии своего потенциала в сфере тактического ядерного оружия.

Создание океанского флота и развитие прочих инструментов проецирования силы (стратегическая военно-транспортная авиация, воздушно-десантные войска и т.п.) позволят КНР приобрести большие возможности для силового обеспечения своих глобальных интересов.

Упор на военно-гражданскую интеграцию в развитии науки и технологий и приоритеты китайской промышленной политики позволяют предположить, что Китай сделает ставку на наращивание возможностей по ведению боевых действий в новых средах (киберпространство, космос) а также попытается добиться лидерства в перспективных направлениях развития военной техники, таких как применение искусственного интеллекта (включая автономные системы оружия), лазерное и электромагнитное оружие, гиперзвук.

Китай как ядерная держава

В настоящее время в КНР официально проводится политика по созданию «системы стратегического сдерживания высокого уровня», предполагающая развитие ядерного потенциала, потенциала для нанесения неядерных высокоточных дальних ударов, а также потенциала ведения боевых действий в новых средах.

Развитие ядерного компонента системы стратегического сдерживания включает в себя наращивание арсеналов межконтинентальных баллистических ракет как минимум трех базовых типов (DF-31, DF-41, DF-5) со все более современными модификациями. Создание такого типа оружия говорит о планах значительного и быстрого наращивания ядерного арсенала.

В силу этого возможен выход КНР на уровень российского и американского стратегических ядерных арсеналов, которые определены пока еще соблюдаемым Россией и США договором СНВ-3, уже к 2035 г., когда у КНР будет около 1500 ядерных боеголовок.

Китай будет продолжать развитие имеющейся у него ядерной триады, постепенно повышая удельный вес атомных подводных лодок и стратегической авиации.

Становление КНР в качестве третьей ядерной сверхдержавы, способной в случае конфликта гарантированно уничтожить любого потенциального противника, поставит под вопрос способность США обеспечить гарантии безопасности своим союзникам в АТР. Результатом может стать как ядерный выбор отдельных стран АТР (Японии и Южной Кореи), так и расширение передового присутствия войск и, возможно, тактического ядерного оружия США в Азии (по аналогии с Европой времен Холодной войны), чтобы повысить достоверность собственного сдерживания в отношении КНР. С другой стороны, Китай сможет более активно задействовать военные инструменты для обеспечения собственных интересов по всему миру, поскольку конфликт с ним станет неприемлемым риском для любой другой великой державы.

Китай как глобальная военная держава

ВМС Китая лидируют в мире по темпам ввода в строй новых боевых кораблей, существенно опередив по данному показателю ВМС США. По своему техническому уровню корабли КНР уже не сильно отстают от передового американского уровня в наиболее сложной области, каковой являются атомные подводные лодки. К 2049 г. можно ожидать достижения ВМС КНР сравнимого с ВМС США боевого потенциала, в частности, сравнимого уровня развития военно-морской техники при более значительной численности.

Китайский флот, учитывая текущие тенденции его развития, будет ориентирован на обеспечение постоянного глобального военного присутствия в различных частях мира, где этого будут требовать китайские интересы.

Исходя из текущих тенденций в строительстве и боевой подготовке ВМС НОАК, китайский флот будет обладать значительным количеством авианесущих боевых кораблей, надводных кораблей – носителей крылатых ракет, многочисленной морской пехотой и флотом современных десантных кораблей.

Флот будет опираться на расширенную сеть зарубежных баз и пунктов снабжения, а также будет располагать значительными возможностями по снабжению своих кораблей в открытом море.

Китай продолжит высокими темпами наращивать численность своей стратегической военно-транспортной авиации, а также прилагать значительные усилия к развитию воздушно-десантных войск и войск специального назначения в составе сухопутных войск. Эти силы также могут быть задействованы для обеспечения зарубежных интересов КНР.

Постоянное военное присутствие китайских войск за пределами страны может быть расширено. Если сейчас КНР располагает единственной зарубежной военной базой в Джибути, то в перспективе можно ожидать появления китайских баз на западном побережье Африки и на Ближнем Востоке. Однако масштабы китайского зарубежного военного присутствия едва ли будут сопоставимыми с нынешним военным присутствием США в мире.

Борьба за лидерство в оборонных технологиях

Китай будет пытаться добиться решающего преимущества в наиболее перспективных областях развития военной техники.

Прежде всего, Китай будет стремиться к лидерству в военных применениях искусственного интеллекта, в частности в сфере обработки разведывательных данных, моделирования боевых действий, а также поддержки принятия решений при управлении войсками. Китай будет стремиться, опираясь на свои промышленные возможности, завоевать и количественное, и качественное превосходство в выпуске автономных систем, что может сыграть решающую роль в развитии любого локального конфликта.

Сферой острого соперничества между КНР и США к 2049 г. будет оставаться космос, где КНР попытается завоевать лидерство в области космической разведки, связи и системах управления. Китай также будет стремиться к завоеванию лидерства в создании систем для поражения целей в космосе.

Можно ожидать дальнейшего развития КНР потенциала по ведению разведки наступательных операций в киберпространстве с увеличением численности персонала и вложений в техническое оснащение соответствующих структур.

Внешняя политика

По китайским оценкам, в настоящее время мировая система переживает период глубоких перемен, невиданных за столетие. Эти трансформации затрагивают все компоненты глобального порядка: от экономики и технологий до культуры и дипломатии. Китай за годы реформ превратился из наблюдателя в одного из ключевых игроков на мировой сцене. Будущую роль страны и реализацию «китайской мечты» о национальном возрождении руководство КНР видит на фоне продолжающейся неустойчивости и хаотизации мировой системы. Если в ближайшую четверть века и будут времена относительного спокойствия, то они станут скорее редким исключени-

ем, чем правилом, и Китай готовится к действиям в условиях перманентной нестабильности.

Китайская внешняя политика будет еще долго опираться на образ «великих перемен», а рассуждения о стратегических возможностях будут соседствовать с постоянной настороженностью по поводу «черных лебедей». В традиционную партийную формулу о мире и развитии все настойчивее будет включаться еще одна переменная – безопасность, то есть понимание того, что ни мир, ни развитие не даются просто так. Стремление к безопасности будет распространяться на многие сферы жизни, от обороны до снабжения продовольствием и экологической политики, поскольку негативная ситуация практически на любом направлении будет восприниматься китайской элитой как угроза социальной стабильности и, следовательно, существующей системе власти. Прогресс на пути к столетию КНР будет оцениваться по способности реагировать на растущие вызовы, сочетать устойчивый рост, технологическое лидерство, внутреннюю сплоченность и дипломатическое влияние.

Экономическая дипломатия

Внешняя политика Китая все теснее будет увязываться Пекином с укреплением позиций в мировой экономике. Экономические цели останутся краеугольным камнем китайской внешнеполитической стратегии. Не факт, что инициатива «Пояс и путь» через четверть века сохранится в неизменном виде, однако Китай по-прежнему будет стремиться к расширению экономического влияния в мире и созданию сети взаимозависимых партнерств, прежде всего в странах Глобального Юга. Масштабы зарубежных проектов могут варьироваться, поскольку внешний геоэкономический импульс является продолжением внутреннего развития. Если внутри страны динамика роста и активность бизнеса в какой-то момент будут потеряны, это непременно ограничит глобальные амбиции Пекина.

Стремление Китая к многополярности будет и в дальнейшем определять его подходы к международным альянсам и инициативам. Вместо того чтобы стать единоличным лидером с гораздо большим объемом ответственности, чем сейчас, Китай видит себя лидером Глобального Юга и в этом качестве – одним из мощных центров влияния в мире.

Такой подход позволит руководству КНР избегать создания жестких блоков и союзов и в то же время совершенствовать навыки глобального управления, предлагая точечные инициативы по решению острых проблем: от дефицита инфраструктуры и цифровых разрывов до зеленой энергетики и устойчивости аграрного сектора. Все это будет сопровождаться риторикой о демократизации международных отношений и китайской деполитизированной и деидеологизированной помощи развитию. Однако в реальной политике Пекин будет стремиться наращивать влияние, формируя сеть дружественных государств, особенно в непосредственной близости от своих границ, прибегая как к экономическим стимулам (инвестиции и помощь), так и к давлению, включая хорошо отработанную практику экономических санкций.

Глобальная конкуренция и роль в многополярном мире

В отношениях с США Китай проявляет гибкость, стараясь избегать открытой конфронтации. Пекин признает, что в условиях глобальной взаимозависимости прямой конфликт с крупнейшей экономикой мира может вызвать обвальные кризисные последствия для мировой экономики. Осознавая сложность этих отношений, Китай и в дальнейшем будет стремиться к компромиссам. Это не помешает ему использовать возникающие противоречия в западном лагере. Тем не менее китайское руководство постарается приложить все усилия, чтобы по возможности предотвратить эскалацию до критического уровня и формирование широкой антикитайской коалиции.

Между тем условия для такой коалиции (или коалиций) будут складываться. Глобальная конкуренция, особенно в области технологий, продолжает обостряться, и Китай будет сталкиваться с растущим экономическим и политическим давлением со стороны США и их союзников. Таким образом, соперничество Пекина и Вашингтона сохранится, однако полного «развода» к 2049 г. так и не произойдет.

В отношениях с Россией Пекин сохранит стратегическую гибкость и дальновидность, признавая важность России как союзника и высоко ценя безопасность на северной границе. Однако создание формального военного альянса останется опцией, возможной лишь в случае полномасштабной «горячей войны». В неспокойное, но мирное время Пекину выгодно сотрудничество с Москвой для противостояния давлению Запада, укрепления антизападной повестки в международных организациях и расширения влияния в Евразии. Тем не менее Китай будет избегать излишне жестких обязательств, что позволит гибко реагировать на изменения глобальных позиций России. Маловероятный вариант сближения России и Запада не будет означать разрыва партнерских отношений между Пекином и Москвой. В таком случае Китай будет активнее развивать другие стратегические направления дипломатии, включая страны Центральной Азии и Европы, чтобы компенсировать возможные геополитические потери.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе продолжится столкновение интересов Китая и соседей, которое будет постоянно подпитываться со стороны США. Споры за ресурсы в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, вопросы Тайваня, напряженные отношения с Индией и другими соседями повышают риски региональных конфликтов. Готовность Китая к демонстрации силы вместо переговоров будет вызывать ответные действия со стороны других стран. Если Пекин продолжит переоценивать свои возможности, вероятность создания коалиций против Китая возрастет, что может подорвать его амбиции стать лидером Глобального Юга. То же касается и маловероятного сценария, при котором Китай решит активно вмешаться в вооруженный конфликт вдали от своих границ.

Пытаясь создать многополярный миропорядок, Китай укрепляет связи со странами Глобального Юга. Эти партнерства, однако, могут оказаться нестабильными из-за политических и экономических рисков в этих странах. Частая смена режимов, внутренние конфликты и экономические кризисы могут в ряде случаев сводить на нет усилия Китая, ставить под угрозу инвестиции и доступ к ресурсам.

История многократно демонстрировала, что крупные державы, даже обладающие значительными ресурсами, увязали в затяжных и дорогостоящих конфликтах за пределами своей территории. Память о «кладбищах империй», таких как Афганистан, служит для китайской элиты напоминанием об опасности переоценки собственных сил и возможностей в войнах. Риск участия в затяжных зарубежных кампаниях может иметь для Китая катастрофические последствия, подрывая не только завоевания реформ и экономическую устойчивость, но и репутацию в мире.

В Пекине осознают, что путь к мировому лидерству связан со множеством непредсказуемых факторов, таких как глобальные пандемии, финансовые кризисы или отставание в технологической гонке. Эти изменения могут потребовать от Пекина пересмотра текущей политики в сторону «самоизоляции» и внутреннего усиления. В альтернативном сценарии, если внешняя среда будет благоприятствовать китайской активности, Пекин может активно продвигать новые формы международного сотрудничества, предлагая решения для общих вызовов, включая изменение климата и кибербезопасность.

Новые задачи для нового поколения

Успех внешней политики Китая зависит от его готовности к быстрой адаптации и способности оперативно реагировать на изменения мировой обстановки. Важным фактором, определяющим перспективы дальнейшего глобального роста Китая, является качество политической элиты. В предстоящие 25 лет можно ожидать постепенного снижения среднего возраста руководителей китайской дипломатии. Однако, учитывая китайские политические традиции, возрастной ценз для занятия высших постов все-таки будет оставаться в пределах 55—65 лет.

К 2049 г. ключевые позиции во внешнеполитическом аппарате, скорее всего, займут представители поколения, рожденного во второй половине 1980-х и начале 1990-х годов, «поколение Y» (миллениалы) и, возможно, первые представители поколения Z (родившиеся в начале 2000-х). Эти поколения росли в условиях стабильного экономического роста Китая, в отличие от нынешнего руководства, не застали эпоху «культурной революции» и политических волнений 1960–70-х годов и вместо этого видели, как страна ускоренно модернизировалась и интегрировалась в мировую экономику. Их представители привыкли к постоянному улучшению уровня жизни, технологическим прорывам и видят в успешном экономическом росте опору для международного влияния Китая. Вероятно, они будут рассматривать сохранение экономической стабильности как ключевую составляющую внешней политики.

С другой стороны, воспитанные на идеях «великого возрождения китайской нации», они выросли с чувством, что Китай справедливо и неизбежно возвращает себе статус великой державы. Это может привести к более амбициозной дипломатии, превосходящей сегодняшние примеры «дипломатии волков-воинов». Те, кто пришел к зрелости в 2000-х годах, видели активное сотрудничество Китая с Западом, но с 2010-х годов наблюдали ухудшение отношений с США. Поколение, выросшее в период обострения соперничества, вероятно, будет более осторожным в подходе к отношениям с Западом, понимая риски и ограничения открытости. Если сворачивание

гуманитарных контактов стран Запада и Китая продолжится, новое поколение китайских дипломатов будет сильнее руководствоваться китайской исключительностью. Пережив обострение конкуренции с США, новое поколение дипломатов будет рассматривать Вашингтон как постоянного конкурента, что может усилить нацеленность на дальнейший разрыв с западным миром. В любом случае, будущие китайские политики станут осторожнее с открытием внутреннего рынка для иностранных технологий и компаний. Приблизительно к 2030 г. начнется активное продвижение к руководству специалистов, родившихся в 1980-х. Это начнет менять характер дипломатии в сторону большей гибкости, но с сохранением сильной ориентации на защиту суверенитета и осторожное отношение к глобализации.

Выводы

Ключевым фактором, способным затормозить прогресс Китая, станет нарушение баланса между внутренней стабильностью и внешними амбициями. Если внутренняя ситуация ухудшится под давлением социального неравенства, демографических проблем или экологических кризисов, Пекину придется перераспределить ресурсы и снизить активность на международной арене.

Нельзя исключать сценарий, при котором технологическое и экономическое давление со стороны Запада приведет к замедлению инновационного развития КНР. Сложности в создании устойчивых международных альянсов и негативная реакция соседей могут ограничить его успехи на пути к мировому лидерству.

В случае неудачи в гонке за мировое лидерство Китай, вероятно, будет вынужден занять позицию сильного регионального игрока, формирующего многополярность скорее через локальные союзы, чем глобальное доминирование. Его дальнейшая роль будет зависеть от гибкости и прагматизма в условиях неопределенности, где результаты будут не столько определяться грандиозными планами, сколько реалистичной оценкой своих возможностей и внешних ограничений.

Все вышеизложенное дает возможность предположить четыре варианта развития мировой системы к 2049 г. и роли Китая в нем, которыми мы располагаем в порядке от наименее до наиболее вероятного.

1. Серьезный застой или кризис в Китае усиливает хаотизацию международных отношений. Этот сценарий наименее вероятен, так как предполагает не только серьезные проблемы в Китае, но и стабильное поступательное развитие США и ЕС, что не соответствует нынешним тенденциям. Тем не менее полностью данный вариант сбрасывать со счетов нельзя. Для России такое развитие событий было бы наименее выгодным, так как кризис в Китае создал бы серьезные проблемы как для российской экономики, так и для безопасности, а ослабление КНР привело бы к тому, что Россия лишится серьезной поддержки в противостоянии с укрепившимся Западом. Соответственно, ей необходимо делать все в меру своих сил, чтобы избежать подобного сценария, работать над недопущением внешних кризисов, способных спровоцировать нестабильность в Китае и вокруг Китая (например, на Корейском полуострове или в Тайваньском проливе, опасным триггером может стать и серьезное осложнение обстановки на границе КНР и Индии), а также выдвигать совместные

с Китаем инициативы по снижению международной напряженности и решению глобальных проблем.

2. Серьезный застой или кризис в Китае, сопровождаемый такими же явлениями на Западе. Вероятность такого сценария также невелика, так как противоречит основным тенденциям развития как Китая, так и Запада, многочисленные проблемы которого все же не дают оснований говорить ни о приближении полного экономического застоя, ни о политическом распаде. Однако возможные причины могут включать глобальные экологические катастрофы, финансовые кризисы или пандемии, что создает условия для взаимного ослабления. Учитывая даже небольшую вероятность данного сценария, России необходимо продолжить курс на самоусиление и избегать рисков быть втянутой в глобальный конфликт, стараться, развивая даже самое тесное сотрудничество с Китаем, не впасть в серьезную экономическую и политическую зависимость от него, как, впрочем, и от других мировых игроков, с которыми она будет иметь дело.

3. Китай опережает в своем развитии США и их союзников. Вероятность этого сценария несколько выше, чем у предыдущих двух, хотя в последние 5–6 лет, на фоне замедления китайской экономики, появились сомнения, сможет ли Китай одержать убедительную победу над Западом к 2049 г. Тем не менее стоит учитывать, что успех этого сценария создаст для России как возможности, так и проблемы. Не совсем понятно, как будет вести себя Китай, став единственным мировым лидером. Согласно заявлениям руководства КНР, у страны нет планов установления гегемонии в мировой системе. Однако уже сегодня в элите страны имеют место и националистические настроения, которые по мере усиления гордости за Китай способны усиливаться, что может негативно сказаться на его отношениях с соседями, в том числе и с Россией. В этих условиях складывающаяся сегодня тенденция односторонне полагаться на Пекин во внешней политике может перейти в одностороннюю зависимость. России необходимо, активно развивая взаимовыгодное торгово-экономическое и политическое сотрудничество с Китаем, одновременно укреплять связи с другими центрами силы и развития. Необходимо учитывать, что выдвигание одного из центров силы на роль неоспоримого лидера неизбежно ведет к укреплению сотрудничества всех других, менее мощных центров между собой для создания силового баланса. В случае реализации данного сценария, России вряд ли удастся остаться в стороне от этой тенденции.

4. Сохранение нынешнего соотношения сил между Китаем и Западом и противостояния между ними в условиях тесной взаимосвязи. Контролируемая конкуренция представляется наиболее вероятным сценарием, учитывая существующие тенденции как в Китае, так и в западном мире. В этой ситуации России необходимо, наращивая всестороннее сотрудничество с Китаем для купирования угроз со стороны Запада, одновременно активно развивать взаимодействие с другими незападными центрами силы и пытаться по возможности налаживать конструктивные связи с традиционными партнерами в Европе. Последовательная политика многосторонней дипломатии и участие в глобальных инициативах могут помочь избежать изоляции и способствовать укреплению суверенитета в условиях продолжающегося соперничества. Такой курс был бы оптимальным для России в целом, учитывая все вышеприведенные сценарии.